Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 18–40
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(3):18–40
Память о войне: размышления ученых

Научная статья
УДК 343.01
EDN UBVKKE

Память о преступности и её отражение в уголовном праве

Александр Иванович Бойко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления,
Ростов-на-Дону, Россия, boyko-ai@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Правоохранительная система реагирует на преступления только как на события прошлого, причём в уголовно-процессуальном законе (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) первоочередными доказательствами по делу называются показания очевидцев (свидетелей) и участников криминального конфликта (подозреваемый или обвиняемый, потерпевший). Тем самым полнота и точность описания преступного события указанными лицами в существенной мере зависит от их памяти. Парламентское законотворчество должно учитывать общественное мнение и волю населения страны, поскольку по Конституции (ст. 3) народ объявлен носителем суверенитета и единственным источником власти, осуществляя её как непосредственно, так и через органы государственной власти и местного самоуправления. Естественной опорой парламентского законодательствования как опосредованной формы народовластия служит правообразование в массах, также предполагающее использование механизмов памяти – но не индивидуальной, а социальной. Следственно, феномен памяти может и должен использоваться для оценки качества отраслевого законотворчества, уголовного преследования и предупреждения преступности.

Отсюда **целью** настоящей статьи правомерно объявить сопоставление уголовной ответственности за длительные и многоступенчатые по исполнению преступления индивидов, а равно используемых государством обратной силы уголовного закона, судимости, амнистии и помилования с индивидуальной и коллективной (социальной, исторической) памятью для совершенствования практики борьбы с преступностью.

Теоретические основы исследования представлены трудами мыслителей античной эпохи, современных зарубежных и отечественных философов, историков, социологов, политологов, филологов, культурологов, специализирующихся в области изучения памяти, мнемотехники (внимания и запоминания) и забвения событий, фактов и прочей информации. Автор выделил те институты уголовного права, которые в наибольшей и непосредственной степени связаны и опираются (или должны быть связаны и опираться) на представления, ожидания и требования населения, порождаемые получаемой им информацией о преступности и реагировании на неё государством. Им приняты во внимание и критически оценены как профильные положения отраслевого законодательства, так и правовые позиции Конституционного Суда РФ и большой группы учёных.

Результаты. Установлено, что феномен индивидуальной и коллективной (исторической, социальной) памяти давно и активно обсуждается и оценивается во многих сферах гуманитарного знания, но прежде всего – в области психологии. Рассмотрены разновидности памяти, зависимость её объёмов и качества от процессов запоминания, забвения и архетипирования. Учтены единство и различия между социальной памятью и исторической наукой. Отмечена и разделяется преобладающая в науке мысль об особой важности идентификационной функции исторической памяти народа. Исследование показало, что: общественное и научное отношение к памяти переживает попеременно периоды повышенного внимания и упадка; ныне проблема актуализирована 80-летием Великой Победы и ходом специальной военной операции; наиболее прочно удерживается в памяти информация о трагических эпохах в жизни государств; резонансные криминальные события и преступность в целом порождают наибольший интерес по сравнению с правовой жизнью в других отраслях юриспруденции; проблематика памяти практически не изучается в уголовном правоведении.

© Бойко А. И., 2025

Выводы. В завершение статьи представлено выводное знание из семи пунктов, главным из которых является утверждение, что человеческая память представляет собою огромное хранилище опыта, универсальное средство идентификации и единения этносов, что она в состоянии облагораживать уголовное право – в том числе через институты вины, обратной силы закона, судимости, амнистии и помилования, давности. Специалисты уголовно-правовых наук должны выработать и предложить государству технологии учёта социальной памяти для более полного отражения в области противодействия преступности.

Ключевые слова: амнистия, будущее, история, настоящее, обратная сила уголовного закона, память, помилование, преступность, прошлое, судимость, уголовное право

Для цитирования: Бойко А. И. Память о преступности и её отражение в уголовном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 18–40. EDN UBVKKE

The memory of the war: reflections of scientists

Original article

Memory of crime and its representation in criminal law

Alexander I. Boiko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia, boyko-ai@ranepa.ru

Abstract

Introduction. The law enforcement system reacts to crimes only as to events of the past, and in the criminal procedure law (Part 2 of Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), the testimony of eyewitnesses (witnesses) and participants in a criminal conflict (suspect or accused, victim) is called the primary evidence in the case. Thus, the completeness and accuracy of the description of the criminal event by these persons depends to a significant extent on their memory. Parliamentary legislation should take into account public opinion and the will of the country's population, as the Constitution (Article 3) declares the people to be the bearers of sovereignty and the sole source of power, exercising it both directly and through state and local government bodies. The natural foundation of parliamentary legislation as an indirect form of popular rule is provided by mass legal education, which also involves the use of memory mechanisms, but not individual memory, but social memory. Consequently, the phenomenon of memory can and should be used to assess the quality of sectoral lawmaking, criminal prosecution, and crime prevention.

Therefore, **the purpose** of this article is to compare the criminal liability of individuals for long-term and multi-stage crimes, as well as the retroactive force of criminal law, convictions, amnesties, and pardons used by the state, with individual and collective (social and historical) memory in order to improve the practice of combating crime.

Theoretical foundations of the research is based on the works of ancient thinkers, as well as contemporary foreign and domestic philosophers, historians, sociologists, political scientists, philologists, and cultural experts who specialize in the study of memory, mnemonics (attention and memorization), and the forgetting of events, facts, and other information. The author has identified the institutions of criminal law that are most closely related to and rely on (or should be related to and rely on) the perceptions, expectations, and demands of the population, which are influenced by the information they receive about crime and the government's response to it. He took into account and critically evaluated both the relevant provisions of industry legislation and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and a large group of scientists.

Results. It has been established that the phenomenon of individual and collective (historical, social) memory has long been actively discussed and evaluated in many areas of the humanities, but primarily in the field of psychology. The article examines the different types of memory, the dependence of its volume and quality on the processes of memorization, forgetting, and archetyping. It also considers the similarities and differences between social memory and historical science. The article highlights and supports the prevailing scientific view that the identification function of a nation's historical memory is particularly important. The study showed that: the public and scientific attitude towards memory goes through alternating periods of increased attention and decline; the issue is currently relevant due to the 80th anniversary of the Great Victory and the ongoing special military operation; information about tragic eras in the history of states is most firmly retained in people's memories; high-profile criminal events and crime in general generate the most interest compared to legal life in other areas of jurisprudence; memory issues are practically not studied in criminal law.

Conclusions. At the end of the article, a conclusion is presented in the form of seven points, the main of which is the assertion that human memory is a vast storehouse of experience, a universal means of identification and unity of ethnic groups, and that it has the ability to elevate criminal law, including through the institutions of guilt, retroactivity of the law, criminal record, amnesty and pardon, and statute of limitations. Criminal law experts should develop and offer the state technologies for accounting for social memory in order to more fully reflect the field of crime prevention.

Keywords: amnesty, future, history, present, retroactive criminal law, memory, pardon, crime, past, criminal record, criminal law

For citation: Boiko A. I. Memory of crime and its representation in criminal law. *North Caucasus Legal Vestnik.* 2025;(3):18–40. (In Russ.). EDN UBVKKE

Введение

В общественной системе разделения труда фиксация преступлений и розыск виновных, привлечение последних к уголовной ответственности, включая назначение и исполнение наказаний, возлагаются на правоохранительные органы и суды. Для них же любое преступление – это всегда событие прошлого, иногда очень далёкого. Полные сведения о нём правоохранители никогда знать не будут, поскольку: злодеи о координатах предстоящего посягательства им заблаговременно не сообщают; часть фактических данных о деликте (следы, предмет преступления, орудия и средства нападения) к моменту прибытия оперативно-следственной бригады на место совершения преступления утрачивается из-за погодных явлений, проезда по ним транспорта либо безрассудного поведения толпы зевак; очевидцы драматического происшествия удаляются по домам и местам работ; и т.д. Тем самым важнейшие фрагменты злодеяния криминалистам приходится восстанавливать с большим трудом и затратами времени. Даже если сотрудникам уголовного розыска и следователям «повезёт» с отысканием и закреплением физических улик, их по закону нужно подкреплять удостоверяющими факт криминального события показаниями очевидцев, потерпевших, подозреваемых (обвиняемых, подсудимых). Это значит обращаться к их памяти, гражданскому долгу и совести, что слабо работает в условиях либеральной политики и соответствующей информационной насыщенности СМИ, рекламного террора и детективной «бормотухи» на телеэкранах, особенно – в странах с громадным имущественным расслоением населения, коррумпированным госаппаратом, недоверием обывателей к правоохранительной и судебной системам.

Но отмеченные выше трудности высвечивают проблему только на *индивидуальном* уровне. А ведь власти любой страны, считающие себя подочётными корпусу налогоплательщиков, не могут игнорировать «безличностное» *общественное* мнение и заявляемые ожидания (иногда – даже требования) избирателей для сферы борьбы с делинквентным поведением, вызываемые либо резонансными посягательствами, оставляющими долго незаживающие раны в памяти народа, либо тенденциями преступности, явно свидетельствующими о перспективе нарастания угроз правам и интересам людей. Тем самым на общесоциальном уровне, в области криминализации и пенализации деяний парламентом, при уголовном преследовании, судебных разбирательствах и исполнении назначенных наказаний, а ещё при пользовании государством различными формами уголовно-правового поощрения преступников очень важно опираться на память территориальных общин либо всего народа о преступлениях прошлого и реагировании на них в соответствии с её содержанием, с длительностью персервации коллективных испугов и обид прошлого, в русле организованных либо стихийных требований населения к государству.

Вне сомнения, в сфере государственного управления, тем более для публичного уголовного права, коллективная память важнее личной, а потому данный феномен приложим преимущественно к тем институтам отрасли, которые наиболее расположены к опоре на социальные оценки и даже требования к властям. Отсюда **целью** своих печатных рассуждений автор ставит сопоставление институтов обратной силы уголовного закона, судимости, амнистии и помилования с индивидуальной и коллективной (социальной, исторической) памятью. Но что она представляет, каковы представления современной науки о ней?

Теоретические основы

Интеллектуальный багаж цивилизации наполнен умными, хлёсткими, назидательными, афористичными суждениями о памяти, призывами к бережному отношению к ней. П. Рикер титуловал память (самым надёжным – *А.Б.*) «хранилищем времени». Г. В. Лейбниц предупреждал современников и новые поколения мыслью, что исходящее из прошлого «настоящее чревато будущим». Для П. Хаттона изучающая прошлое «история (есть) искусство памяти». Люди должны помнить, что между тремя ипостасями несущейся мимо них Вечности существует неразрывная связь, а потому «затеяв (ненужный – *А.Б.*) спор настоящего с прошлым, они обнаружат, что потеряли будущее», предупреждал У. Черчилль. Безусловно, благое будущее куётся в настоящем и с пытливой оглядкой в прошлое. Наивно и опасно полагать, будто предыдущие поколения только то и делали, что заблуждались и ошибались, усиленно создавая проблемы себе и потомкам, а вот современники могут одним махом преодолеть все преграды и твёрдой рукой направить страну в сказочное завтра. Наконец, прозорливые люди, пусть односторонне, но в интересах нашего отраслевого предприятия величают историю «журналом регистрации преступлений, глупостей и несчастий человечества» (Э. Гиббон).

Память отражает прошлое, проверяется в настоящем и работает на будущее. Она страхует от неприятностей и повторения ошибок, соединяет в живую эстафету поколения, вносит элемент прочности в работу сознания, нейтрализует капризы общественного мнения, гармонизирует буйное бытие народных масс. Потому её чтут, к ней призывают и к её помощи при необходимости прибегают, а духовники человечества советуют «память упражнять» [1, с. 338]. И этим наставлениям человечество следует, создав и развивая мнемонику или мнемотехнику, то есть учение о приёмах запоминания информации. О памяти и шутят, намекая на коварную человеческую породу: «многие путают своё воображение со своей памятью» (Г. У. Шоу); «все жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разум» (Ф. Ларошфуко); «на людскую память нельзя полагаться; на беспамятство, к сожалению, тоже» (С. Лец); «напрягите память, и вам обязательно захочется что-то забыть» (О. Попов); «память хороша на плохое, и плоха – на хорошее» (Э. Кроткий)[1]. Одним словом, человеческая порода ущербна, ошибки нас не учат[2], принципам мы не следуем[3] и памятью предков брезгуем. Где выход, что делать, о чём думают специалисты?

Бездельничает ли «настоящая» наука? Отнюдь. Особо и продуктивно активничает психология по таким направлениям, как значение прошлой информации для адаптированного поведения, способности ума запоминать и хранить сведения, виды памяти и её физиология, искусство упреждающего отбора фактов для последующего пользования ими. Памятью в её представлении являются «процессы организации и сохранения прошлого опыта, делающие возможным его повторное использование в деятельности или возвращение в сферу сознания. П. связывает прошлое субъекта с его настоящим и будущим и является важнейшей познавательной функцией, лежащей в основе развития и обучения». Память «включает в себя не только процессы сохранения индивидуального опыта, но и механизмы передачи наследственной информации» [5, с. 230]. Отсюда *исходной точкой* памяти является человеческое внимание («сосредоточенность субъекта на каком-либо реальном или идеальном объекте»), а её движущим *каналом* – запоминание. Оно обеспечивает «удержание материала в памяти»

---

[1] Цит. по: [2, с. 566-567].

[2] «Нетъ человека, иже не согрешитъ» (3 Царств. 8, 46).

[3] Одно дело знать принципы, другое – соблюдать их. «Человек, – ядовито замечал ***П. Бейль***, – существо разумное, и с этим не стоит спорить, но он почти никогда не поступает сообразно своим принципам» [3, с. 575]. Может быть, потому так происходит, что в его природе буйствует протест против мертвящего конформизма или стадности, и потому атакам подвергаются именно принципы «вторичной реальности», то есть условности социальной организации, а не природы. Пример чаще всего подают правозащитники и прочие радикалы, готовые поставить под сомнение любое установление, самое аксиоматичное. Лидер заокеанских пацифистов ***К. Фицпатрик*** открыто признаётся, в частности, что «американцы часто нарушают свои принципы во имя якобы «высшей» цели, например, это борьба с преступностью, борьба за порядок» [4, с. 42].

и развивается посредством мнемоники или мнемотехники – «системы различных приёмов, облегчающих запоминание и увеличивающих объём памяти путём образования дополнительных ассоциаций)» [5, с. 40, 100, 185].

Различные аспекты индивидуальной и коллективной памяти, её форм, назначения и механизмов пользования активно разрабатывали *античные философы* и *богословы* Августин, Аристотель и Платон, а позже *иностранные* (А. и Я. Ассманы, П. Бергер, А. Бергсон, Ле Гофф, Э. Гуссерль, Р. Декарт, Э. Дюркгейм, И. Кант, П. Коннертон, Э. Левинас, Д. Локк, Т. Лукман, Ф. Ницше, П. Нора, П. Рикер, З. Фрейд, М. Фуко, М. Хальбвакс, П. Хаттон, Д. Чапман, А. Шюц, Г. Эббингауз, Д. Юм, К.Г. Юнг и др.) и *отечественные* (Ю.А. Арнаутова, Н.А. Бердяев, С.Н. Вершинин, Л.С. Выготский, О.В. Герасимов, Л.Н. Гумилёв, Г.Е. Зборовский, Н.И. Зоркая, И.А. Ильин, М.С. Каган, А.А. Кара-Мурза, И.С. Кон, Н.Е. Копосов, Г.В. Лебедева, А.Н. Леонтьев, Д.С. Лихачёв, Ю.М. Лотман, А.Р. Лурия, Н.Л. Пушкарёва, Л.П. Репина, М.В. Соколова, В.А. Тишков, Ж.Т. Тощенко, Н.Ф. Фёдоров, В.А. Шнирельман и др.) историки, социологи, политологи, культурологи, филологи и представители других гуманитарных отраслей знания. Великолепным фолиантом о значении памяти для сохранения национальной идентичности и традиционных духовных ценностей российского общества отметился недавно коллектив учёных Российской академии наук [6].

Специалисты различают и сопоставляют множество видов памяти (историческая, социальная, индивидуальная, коллективная, генетическая, коммуникативная, общенациональная и региональная либо локальная), её основное и непреходящее значение для каждого индивида и всего социума усматривают в формировании и поддержании персональной и этнической идентичности, а наш Президент много лет назад даже назвал историческую память «великолепным цементом, который из людей разных народов, разных этносов и разных религий делает одну, единую и неделимую российскую нацию, создаёт и укрепляет единую и неделимую великую Россию»[1].

Объёмы и качество памяти определяются соперничеством и взаимовлиянием трёх феноменов – запоминания, забвения и архетипирования прошлого. «Воспоминание рассматривается как запечатление в памяти состояний, образов, событий, которые, актуализируясь в настоящем, несут в себе идею сохранности знания. Забывание трактуется как утрата социально-значимого знания, в результате которого происходит изменение существующего бытия, утеря его первоначального смысла. Архетипы же – это структурные схемы и предпосылки образов, существующих в сфере коллективного бессознательного и, возможно, биологически наследуемых. Они представляют собой ту сторону социальной памяти, которая обладает способностью припоминать вещи, неведомые рассудку и практическому знанию, которая существует и развивается в древних первобытных обществах до возникновения письменности, как живая организация трансляции социального опыта» [7, с. 6-7]. Диалектика такова, что память понимается не только как хранилище прошлого, но и как ретроактивный процесс, дифференцирующий прошлое и будущее, а забвение проявляет себя как утрата доступа к прошлому, стирание и уничтожение его мнемических следов, но и как резерв, условие восприятия нового [8, с. 22].

Социальная память конкурирует с исторической наукой: имея один предмет отражения (прошлое), они различаются тем, что для первой характерны высокая эмоциональность, мифологизация и анахроничность при отборе и сохранении событий минувших эпох, в то время как учёный мир оценивает их бесстрастно, объективно и разносторонне; образы, создаваемые памятью, отличаются архаизмом и фольклорностью, тогда как исторические конструкты являются продуктом критического анализа и интеллекта; между профессиональной историей и социальной памятью лежит не резкая граница, а переходная зона, где они вступают в сложный и неоднозначный диалог, продуктом которого являются версии истории, включающие и те, и другие элементы; при этом оба канала отклика на прошлый социальный опыт вплетаются в сложную ткань национального и культурного самосознания [9, с. 13–15].

[1] https://tass.ru/politika/499288 (дата обращения – 11.07.2025 года).

Однако абсолютизировать объективность исторической науки нельзя и потому, что: а) она относится к заведомо субъективному гуманитарному знанию (учёный является живой частицей анализируемого им социума и потому пристрастен, у обществоведов не сложилась практика экспериментальных проверки и подтверждения своих оценок и опытов, их исследования социальных процессов в идеале предполагают критическую оценку государственного управления, что влечёт «опеку» властей и встречную угодливость учёных[1]); б) «историк подчинён времени, в котором он живёт», поскольку «коллективные образы прошлого, присущие данному обществу, оказывают… влияние и на профессиональных историков», принуждённых отражать «климат эпохи», ведь перед ними «всегда стоит проблема (т.н. – *А.Б.*) «полезного прошлого», которая с железной последовательностью проявляется в социально чувствительном историческом нарративе» [9, с. 15, 16].

Таким образом, многие обстоятельства сообщают историкам и прочим представителям гуманитарного знания известную «гибкость» их интеллектуального промысла. Но не только им: «(индивидуальная и даже коллективная – *А.Б.*) человеческая память коротка и избирательна. Этими же свойствами страдает историческая память народа, искажённая к тому же усилиями добросовестных и недобросовестных, добровольных и наёмных историков. Кастрация русской национальной памяти была произведена после Октябрьской революции – дело было ловко представлено так, что наша история начиналась с 1917 г. Операция не была успешной, коллективная память о существовании тысячелетнего Российского государства восстанавливалась вопреки воле правителей и идеологов, а иногда ради того, чтобы послужить их сиюминутным политическим нуждам, но восстанавливалась. Очередная операция по лишению русского народа памяти о прошлом и настоящем проходит у нас на глазах и с нашим невольным участием. Русская история начинается с августа 1991 г., мы – народ-несмышлёныш, которому ещё нет места в цивилизованном мире» [11, с. 4].

Результаты и обсуждение

В уголовном правоведении память пока не стала объектом массового специализированного анализа. Она пусть незримо, но обязательно присутствует в историко-правовых исследованиях и работах компаративистской направленности, в последние же годы к данному феномену приковано значительное внимание в связи с обострением геополитической обстановки на планете, переходом человечества к многополярному миру, ростом региональных конфликтов, яростными попытками западных институтов «Национального беспамятства» исказить историю второй мировой войны и принизить решающий вклад в её завершение советского народа.

Обычно же обращение отечественных кумиров и криминалистов к памяти скромное и неакцентированное. Осмысленные высказывания и глубинные оценки чаще всего порождаются чрезвычайными обстоятельствами, но не спокойными кабинетными размышлениями. «Ясность и краткость оных (законов – *А.Б.*) не допускает запутывать дела, – пояснял свою политическую и нравственную позицию перед членами Высочайшей следственной комиссии декабрист П. Г. Каховский, – они легко запечатлеваются в памяти и делаются известными всем; через них каждый знает свои обязанности, свои права…» [12, с. 24]. Приведённое суждение перекликается с заповедями древних римлян, которые в лаконизации законодательной речи видели приём мнемотехники: legem brevem esse oportet, quo facilius ab imperetis teneatur – закон должен быть краток, чтобы легче запоминался незнающими. Иногда это помогает в критических ситуациях, когда возникает необходимость восстанавливать разрушенную правовую систему «с нуля». Цицерон свидетельствовал, что самый важный нормативный памятник Древнего Рима – Leges XII tabularum был утрачен во время галльского нашествия на Великий Город, но был быстро и без искажений восстановлен апеннинцами по памяти, ибо каждый римлянин знал наизусть Законы XII таблиц.

[1] См. об этом: [10, с. 529–534].

Великолепный труд по обсуждаемому вопросу оставил в наследство потомкам А.Ф. Кони [13, с. 70–120]. Сожалительно только, что статья ориентирована на следственную тактику и в ней не анализируется влияние народной памяти на решение стратегических задач уголовного преследования. Но его рассуждения о работе индивидуальной памяти участников криминальных эксцессов также полезны. Гений отечественной юриспруденции полагает, что достоверность свидетельских показаний зависит и от концентрации внимания в момент преступления (источник), и от механизмов обработки запечатлённой информации в дальнейшем (усилия памяти). Однако оговаривается, что «внимание есть орудие для восприятия весьма не совершённое, а память с течением времени искажает запечатлённые вниманием образы и даёт им иногда совершенно выцвесть...», что приводит к её «усушке и утечке» (с. 78). Шанс на достоверность и полноту впечатлений всё же сохраняется по причине необычности и редкости криминальной обстановки для обывателя: ведь «преступление изменяет статику сложившейся жизни», а это «вызывает особую сосредоточенность внимания, запечатлевающую в памяти образы и звуки с особою яркостью» (с. 82).

А.Ф. Кони исследует различные обстоятельства, влияющие на работу памяти свидетеля и на его поведение в суде (с. 89–95), плюс выделяет её типы – сосредоточенное и рассеянное, эгоистическое, центробежное и центростремительное, обострённое и притупленное, а также связанное внешними условиями (с. 94–107). Приведённые результаты классификации настраивают на критическую оценку современных взглядов на содержание вины и совершенство технологий вменения. Согласно общепринятому в доктрине представлению вина толкуется как «психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному действию или бездействию и к наступившим в результате этого общественно опасным последствиям» [14, с. 306; 15, с. 80]. Известно, что в структурном отношении психика любого субъекта состоит из интеллектуальной, волевой и эмоциональной сфер, но нынешнее уголовное право отбирает для формулы вины и последующего упрёка причинителю вреда только первые две, игнорируя эмоции; фактор же памяти, всегда работающей в связке с эмоциями, в уголовном праве вообще не учитывается за исключением пиковых состояний, именуемых аффектом. Конечно, в работе памяти всегда сотрудничают сознание и воля, но активность и полнота их функционирования зависит и от эмоциональной конституции субъекта, от запасов его памяти.

Но трактовка памяти в рамках ответственности за отдельные посягательства микроуровневая, ибо в расчёт принимается психология конкретного индивида. А уголовное право как средство охраны базовых ценностей социума и предупреждения любых преступлений нуждается в опоре на общественное мнение, менталитет народа и генотип нации, настроения и даже психозы толпы. Это – хранилища коллективной памяти для посещения законодателем в канун криминализации поступков и обновления технологий уголовного преследования. Наиболее востребованы залежи народной памяти при введении и последующем применении в практике норм о давности[1], обратной силе уголовного закона, судимости, экстраординарных формах прощения преступника. Рассмотрим сочетание этих привычных, но исключительных положений закона с впечатлениями, выстраданными ожиданиями и требованиями населения к властям, порождёнными особо выдающимися криминальными эксцессами либо тенденциями преступности, что наверняка не может его (население) ни беспокоить.

Но перед тем как обсуждать наличие и качество связи между социальной памятью *о прошлом* и государственными решениями по борьбе с преступностью, нацеленными напротив *в будущее*, заявим ещё одно важное обстоятельство. Зарубежные специалисты обращают особое внимание на повышенную живучесть и требовательность коллективной памяти,

[1] С учётом того обстоятельства, что вопрос о сроках давности уголовного преследования докладывался автором на прошедшей в апреле с.г. международной конференции, что содержание выступления будет опубликовано в тематическом сборнике, данный ограничительный норматив отрасли и его связь с памятью в настоящей публикации не рассматривается.

буквально травмированной прошлыми событиями до уровня «душевных мук», отчего к воспоминаниям о них общество не только вновь и вновь возвращается, но и как бы заново проживает давно произошедшие события [16, P. 46–51]. И эти процессы не остановит ни один из семи видов социальной амнезии (решительное вычёркивание из этнической памяти очень неприятных фактов и эпизодов, уступка новому общественному интересу, амнезия ради «формирования новой идентичности» или социальной структуры, простое избавление от избыточной либо устаревшей информации, забвение «как замалчивание случаев унижения»), выделенных и обоснованных Полом Коннертоном [17, P. 77–78].

Несмотря на меняющуюся в нашей стране в силу различных факторов (от политических пристрастий вплоть до выгодных по времени мифов) тональность исторических дискурсов, неизменной остаётся память о самом трагическом периоде национальной истории – жертвенной, но и победоносной Великой Отечественной войны советского народа в 1941–1945 гг. Вот классический вариант суждений специалистов: «из всех событий XX в. нас как народ объединяет и роднит в первую очередь оценка Великой Отечественной войны. После распада Советского Союза практически исчезло представление о Великой Октябрьской социалистической революции как о главном событии отечественной истории XX в. Неоднозначны оценки индустриализации. Тем более противоречивы оценки позднего советского строя. А вот основные параметры массовых установок по отношению к Великой Отечественной войне остаются без изменения. Это позволяет констатировать, что данное событие приобрело главную символическую значимость уже для новых поколений, и сегодня продолжает быть опорной точкой национального самосознания» [18, с. 49]. Конечно, quod licet Jovi, non licet bovi[1], уголовно-правовые происшествия по своему влиянию на общественное сознание не достигнут порога впечатлительности от ужасов и жертв войны либо природных катастроф, но события отраслевой подотчётности всё-таки затмевают значимость цивилистических тяжб или административных деликтов. Не чувствовать и не реагировать на общественное знание и общественное мнение в сфере борьбы с преступностью властям сложнее.

«Но кто мы и откуда, когда от всех тех лет остались пересуды, а нас на свете нет?» (*Б. Пастернак*). Переходим в наши палестины, к разговору о практике и культуре внимания и учёта государством социальной памяти при пользовании такими экстравагантными инструментами противодействия преступности, как обратная сила уголовного закона, амнистия и помилование, судимость.

«Налево пойдёшь – коня потеряешь, направо пойдёшь – жизнь потеряешь, прямо пойдёшь – жив будешь, но себя позабудешь». Древние римляне сформулировали безупречные по содержанию, афористичные по форме и связанные между собой наставления практикующим юристам по соединению редко обновляемого уголовного закона (статика) с постоянно совершаемыми криминальными деяниями (динамика)[2]. Необходимость подобных рецептов, обусловленных связкой универсальной координаты Вечности – «безостановочного» времени и «оседлой» памяти, очевидна; последняя хранит прошлое и ждёт реагирования на него с помощью прежде действовавших правил, а обновившийся закон согласно своим задачам и назначению нацелен в будущее. Былинная ситуация с витязем на распутье порождается естественным запаздыванием юридической реакции на преступления, временным разрывом между запомнившимся для населения поступком и предстоящим уголовно-процессуальным реагированием на него. И обыватель, и правоприменитель используют механизмы запоминания и воспроизводства информации, но отзываются на происшествие по-разному: первый – реагирует как на случайно подвернувшийся случай (А.В. Кони определял свидетеля «носителем случайной повинности») и живо, используя ассоциации и эмоции; юрист же встречает

[1] Что положено Юпитеру, не положено быку – *лат.*

[2] Закон смотрит только вперёд, он не действует в обратном направлении – lex prospicit, non respicit; nova constitutio futuris formam imponere debet, non praeteretis – новый закон по своему действию должен быть обращён в будущее, но не в прошлое; lex de futuro; judex de praeterito – закон направлен в будущее, судья рассматривает прошлое (*лат.).*

казус хладнокровно – ex officio, через бесстрастный типовой текст Кодекса. Отмеченный диссонанс усиливается активностью преступника, пытающегося сделать «бывшее небывшим» в силу жажды выгоды от посягательства, но нежелания ответственности за свой поступок, и решающим свои задачи законодателем, чьи постоянные новеллы в УК не могут согласовываться с отдельными преступными атаками на чужие интересы. Как следствие, практикующие юристы вынуждены расследовать уголовные дела и выносить приговоры по преступлениям, совершённым до обновления закона, на основе случайно полученной и потому недостаточно освоенной информации очевидцев, да ещё и при намеренном «беспамятстве» виновника.

Как поступать: ставить на память и отменённое правило преследования или на осовремененные государством расчёты? предпочтительнее старый, соответствующий общественной атмосфере прошлого закон либо новый, соответствующий времени ответственности? В действующем УК РФ настоящая задача решена практически идеально, с использованием философской трихотомии «общее – особенное – единичное»: через сочетание *общего* правила – «преступность и наказуемость деяния определяется уголовным законом, действовавшим во время совершения преступления» (ч. 1 ст. 9 УК), *уточнения* к нему – «временем совершения преступления признаётся время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий (ч. 2 ст. 9 УК) и *исключения* из него, именуемого nunc pro tunc или обратной силой закона – «Уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу» (ст. 10 УК). В интересах нашей статьи упростим трёхзвенное государственное веление: память социума о преступлениях прошлого и сопутствующие ей по времени юридические предписания об ответственности обычно превалируют, но редко и как исключение из общего правила, настоянное на гуманитарных настроениях цивилизации, они должны уступать свежим нормативам.

К таковому, давнишнему и постепенно улучшающемуся в добавках по частностям, решению временно́й или памятной проблемы уголовного права юристы успели привыкнуть. Однако почва для множества сомнений в его идеальности присутствует: 1) послабление уголовной ответственности по новому закону коснётся единиц, уцелевших от преследования до вступления в силу новеллы; большинство же преступников попадает под каток следственно-судебной машины в период относительно продолжительного действия статей УК, охватывающих и время деяния, и время расправы. Выборочность возмездии заказывается не деянием и особенностями личности преступника, а неповоротливостью уголовной юстиции. Но это не главное: значительная часть общества удерживается от криминальных искушений и соблюдает уголовно-правовые запреты, а потом с горечью узнаёт, что судьба правонарушителей в связи с принятием более мягкого закона мало отличается от премии законопослушания. За сим почти автоматически следует совет для воздержавшихся: нужно брать пример с тех, кто рисковал, т.е. совершать злодеяния, надеясь на очередной либеральный ход законодателя и нерасторопность юристов;

2) древними обратная сила (уголовного) закона рассматривалась как крайняя мера, как действительно редкое исключение: leges quae retrospiciunt raro, et magna cum cautione sunt adhibendae neque enim Janus locatur in legibus – законы, имеющие обратную силу, редко и с осторожностью принимаются, ибо Янусу по сути дела нет места в праве. Сегодня норма о nunc pro tunc практически превратилась в распространённое правило, содержащееся в международных документах[1], Конституции РФ (ч. 2 ст. 54) и отраслевом законодательстве (ст. 10 УК), а при отраслевой кодификации, последняя из которых случилась в 1996 г., – сродни

[1] В ст. 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. устанавливается: «никто не может быть осужден за преступление на основании совершения какого-либо деяния или за бездействие, которые во время их совершения не составляли преступления по национальным законам или по международному праву. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое могло быть применено в то время, когда преступление было совершено» [19, с. 16]. Аналогичное положение содержится и в п. 1 ст. 15 Международного пакта о гражданских и политических правах от 1966 г.

амнистии, поскольку более мягкий закон «распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость» (ч. 1 ст. 10 УК)[1]. Ещё хуже обстоит дело на практике: несколько лет назад председатель Верховного Суда РФ с горечью сообщил, что российские суды 50 % своего рабочего времени ежегодно тратят не на рассмотрение по существу новых уголовных дел, а на пересмотр законных и обоснованных вердиктов только потому, что беспрестанно обновляется текст УК РФ[2].

В отечественной отраслевой доктрине правомерность nunc pro tunc[3] никогда не подвергалась сомнению. Даже в те времена, когда законодательство не содержало нормы об обратной силе уголовного закона (впервые была введена в ст. 6 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.), проф. Н.С. Таганцев выделял 4 варианта реагирования на перемены в законодательной оценке деяния, случившиеся за время от его совершения до привлечения виновного к ответственности: 1. «может быть применяем только закон, действовавший в момент его учинения»; 2. «но законы более мягкие или более снисходительные к преступнику всегда получают обратную силу»; 3. «всегда применяется новый закон, но закон новый, более строгий, не распространяется на прежние деяния»; 4. «новый закон применяется ко всем деяниям, признававшимся преступными до его издания, но подлежащим суду и наказанию после его издания» [20, с. 118].

Современный уголовный закон (статьи 9 и 10 УК РФ 1996 года) практически совпадает с приведённой и другими, ранее разработанными и пропагандируемыми концепциями. В советские и нынешние времена данная проблема анализировалась в трудах М.И. Блум и А.А. Тилле, А.И. Бойцова и Б.В. Волженкина, Я.М. Брайнина и Н.Д. Дурманова, И.И Горелика и Л.А. Зайцева, А.М. Медведева и А.Н. Попова, И.С. Тишкевича и А.Е. Якубова. В книгах, статьях и диссертациях названных и других учёных затрагивались и предлагались к разрешению многие практически значимые вопросы данного норматива: о действии так называемых «промежуточных» законов, о возможности обратимости в прошлое норм Общей части, о ступенях сравнительной мягкости прежних и обновленных статей УК (декриминализация, послабление санкции по видам и размерам наказания, применение других способов понижения ответственности) и пр.

Но само по себе правило nunc pro tunc под сомнение никем не ставится, как будто оснований для обсуждения допустимости данного норматива исключительного профиля не существует. Единственные, кто поставил целую серию вопросов, оказались петербуржцы А.И. Бойцов и Б.В. Волженкин: «каково теоретическое обоснование обратной силы закона?; является ли она нормой законотворчества или нравственной нормой, освящённой традицией?; а может быть это просто утилитарное соображение, которое можно принять, но можно и отбросить без колебаний, если того требуют интересы общества?» [21, с. 16].

Можно ли надеяться, что под «интересами общества» авторы подразумевают актуализированную раздражением от посягательств и ожиданием достойного реагирования на них властей память – очевидцев, потерпевших, жителей территории, где криминальные казусы получили солидный социальный резонанс? К сожалению, аргументация обратной силы закона производится солидными специалистами отрасли не в плоскости удовлетворения сводного общественного интереса законопослушных граждан, а в традиционных логических расчётах. Их верные стартовые посылки не базируются на концентрированной памяти населения и выпестованными на её основе рецептами по криминализации и пенализации общественно опасных деяний. Доводы А.И. Бойцова и Б.В. Волженкина таковы: а) действие уголовного закона во времени – это не только «временные параметры бытия уголовной ответственности», но прежде всего действие отдельных правовых норм; б) отраслевая норма же

[1] Налицо так называемая *ревизионная* (более затратная в реализации и скандальная с точки зрения социальной психологии), в противовес *обычной* или *простой*, обратная сила закона.
[2] Интервью председателя Верховного суда РФ Вячеслава Лебедева «Российской газете». Федеральный выпуск № 6011 (35) от 19.02.2013 г. // www.rg.ru/2013/02/21/lebedev.html (дата обращения – 4.12. 2016 г.).
[3] Обратная сила закона – *лат*.

выполняет регулятивную (до деликта) и охранительную (после совершения преступления) функции одновременно, поэтому, «придавая обратную силу закону, *устанавливающему преступность деяния* (курсив наш – *А.Б.*), мы разрываем уголовно-правовую норму в единстве двух её сторон» (получается, что обратная сила *мягкого закона* единство нормы не разрывает?!); в) «логика права неумолимо требует от государства предъявлять счёт лишь за те деяния, которые были предусмотрены в качестве преступных до того, как они были совершены, и лишь в той мере (во всяком случае, не большей), чем они были наказуемы»; г) для преступников, которые оказываются «между предписаниями старого и нового законов», с неизбежностью «возникает «переходная» норма, вбирающая в себя наиболее удобные предписания как закона, утратившего силу, так и действующего»; д) «при этом новые предписания, подключаясь к обслуживанию старых, устанавливают с ними системообразующие связи… Умирает один закон и начинает свою жизнь другой, но продолжает существовать норма уголовного права… Это естественный процесс преемственности в уголовном праве» [21, с. 18–19].

В очень добротной, с безупречным выводным знанием и полностью пригодными для подготовки новелл нашим парламентом предложениями de lege ferenda, в буквально выстраданной книге доцента МГУ [22] обособленно анализируются «этическое обоснование обратной силы уголовного закона» и «право государства» на использование данного инструмента. Расположенный в первых двух параграфах материал пестрит и привораживает цитируемыми суждениями зарубежных и отечественных авторитетов о правиле nunc pro tunc, его гуманитарном мотиве, этической силе и практической полезности. В нём: а) поддерживается генеральная мысль, будто «обратная сила закона превратилась в центральную проблему действия закона во времени»[1]; б) оцениваются предложения об «уравнении в правах» на ретроактивное действие и принятых более строгих законов; в) высказано положительное отношение к распространению правила nunc pro tunc на иноотраслевые новеллы, образующие бланкетное содержание уголовно-правовых норм; г) заявлено сочувственное отношение к зарубежному разрешению ситуации, когда виновный желал наступления обязательных по закону последствий в иное время, чем это фактически произошло. В Заключении же по итогам исследования (с. 201–203) представлены новации из 5 пунктов для включения в текст статей 9–10 УК РФ со скромной оговоркой, что этими возможными поправками «недостатки Общей части УК РФ далеко не исчерпываются». Но рассуждений о влиянии на обратную силу закона памяти населения о преступности, даже в постановочном варианте, данный фолиант не содержит.

Резюмируем: для обоснования исключительного правила nunc pro tunc фактор памяти учёными отрасли не используется; предпочтение отдаётся внутренней логике юриспруденции, давлению растущих гуманитарных настроений и поиску достойных решений частных вопросов действия уголовного закона во времени. Зададимся потому естественными и болезненными одновременно вопросами: не подвергаем ли мы опасности коренящийся в памяти населения социально-правовой конформизм, надёжно гарантирующий гражданский мир в стране, отступлениями от идей неотвратимости и быстроты уголовной ответственности в пользу исключительных правил преследования или выборочного принуждения? не будут ли надругательством над народной памятью растущие поблажки виновникам в форме освобождения от уголовной ответственности и наказания?[2]. Проблема заслуживает обсуждения и требует общетеоретического фундамента.

---

[1] Автором книги цитируется текст давней рецензии на профильную по настоящей теме работу: Гулиев В.Е., Кравцов Г.А. Действие закона во времени и пространстве… [23, с. 156].

[2] Кажется бесспорной та мысль, что должна быть определённая пропорция между состоянием преступности в стране и мерами преследования, между степенью общей культурности народа и милосердностью управления. Как там, у Ч. Беккариа: «На грубые души народа, едва вышедшего из первобытного состояния, необходимо воздействовать более сильными и максимально будоражащими чувства впечатлениями… Но по мере перехода людей в состояние общественное смягчается и усиливается восприимчивость их чувств. А с развитием восприимчивости соответственно должна уменьшаться суровость наказаний…» [24, с. 246-247]. Учреждение сразу двух глав в УК 1996 г., посвящённых освобождению от уголовной ответственности и наказания, не есть ли пример чрезмерного либерального усердия, и не лучше ли было направить гуманитарные искания в область декриминализации, то есть сокращения законодательного списка преследуемых преступлений?

Фраза *«казнить нельзя помиловать»* давно вошла в состав знаменитых крылатых выражений прошлого и энциклопедических знаний, стала стендом для смысловых тренировок юристов в области амфиболий и наслаждений для обывателей. Давно установлено, что эта и прочие легендарные формулы порождены целым комплексом причин – произволом монархов под вывеской милости, стилистическими «ляпами» в законодательстве, неумелым вмешательством высших органов власти в профессиональную деятельность правоохранителей и судей. Очень уместны суждения на сей счёт от Ч. Беккариа: «прощение и милосердие являются самой любимой прерогативой престола и желанным атрибутом верховной власти»; однако увлечению настоящей добродетелью «не должно быть места в совершенном законодательстве, где наказания умеренны, а суд праведен и скор», ибо «потребность в прощении и милосердии прямо зависит от нелепости законов и суровости приговоров» [24, с. 243–245]. **Вывод, который мы повторяем много лет и во множестве публикаций:** амнистия и помилование при том условии, что карающий закон остаётся в неприкосновенности, а юристы, вынесшие приговор, – без упрёка, что помилование касается единиц из огромной массы им подобных, а потому более несчастных, что сразу после амнистии очередная порция граждан занимает только освободившиеся от счастливчиков пенитенциарные места по причине преступного поведения, – портят нравы не в меньшей мере, чем злодеяния.

Но если социум не готов к отказу от амнистии и помилования, а пользование государством данными средствами страдает изъянами, уместно изыскивать ограничения для этой сферы. Вот наш санитарный набор: во-первых, до применения акта амнистии либо помилования нужно удостовериться в том, не жесток ли Уголовный кодекс, понуждающий верховную власть к оптовой либо персональной милости, и не правильнее ли гуманизировать его, а всех потенциальных адресатов сострадания «угостить» нормой об обратной силе закона? 2) акты прощения по времени должны отстоять и значительно от факта преступления и осуждения с тем, чтобы зло хотя бы частично нашло возмездие и покрылось естественным мраком забвения, а память современников не была бы покороблена срочным благорасположением власти к виновникам; 3) амнистия и помилование предпочтительны по тем делам, где потерпел повреждение *государственный* интерес, но не *частный* или *общественный*, ибо память действует избирательно и задерживается обычно на тех объектах, которые наиболее любимы, ибо государственные преступления частенько выдумываются ангажированными властями, но общеуголовные – никогда[1].

Приведём показательные примеры ущербного пользования помилованием и амнистией в нынешней России. В начале века контрразведка задержала при получении секретных сведений от россиянина и предала правосудию представителя спецслужб США. Шпион струхнул и незамедлительно заболел сыпью, чем вызвал жалость отечественных правозащитников. В день, когда российский суд вынес обвинительный приговор чужестранцу, либеральные СМИ и председатель комиссии по помилованию при Президенте страны стали советовать: задержанному страстотерпцу – не подавать кассационную жалобу (из-за опасности процессуальной волокиты и задержки с освобождением), а главе государства – употребить право на помилование сразу по истечении срока на кассационное обжалование приговора. Оба адресата приняли предложения к исполнению. Через некоторое время США, куда уехал помилованный разведчик, посетил с дипломатическим визитом высокопоставленный чиновник союзного государства (России и Белоруссии). И был задержан на несколько месяцев. Просьбы и намёки российских властей на необходимость взаимного благородства были холодно остановлены одним доводом: в той стране правосудие независимо, а помилование из вежливости к чужой стране нецелесообразно.

Пример оплошности парламента – постановление Госдумы ФС РФ от 26.05.2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», обжалованное гр-кой Л.М. Запорожец, здоровью которой был причинён

[1] Как точно подметила Т.В. Клёнова: «не каждый уголовный закон научно обоснован, но все политически мотивированы» [25, с. 57].

вред в результате непрофессиональной деятельности дантиста. Врач был амнистирован на досудебной стадии, сразу после преступления. Государство, которое никак не пострадало от деликта, помиловало виновника, а потерпевшую об этом даже не спросили[1]. И она стала жаловаться во все инстанции, пока не пробилась в высшее политико-юридическое присутствие страны. Смысл петиции Л.М. Запорожец в КС РФ: амнистия лишила её права на доступ к правосудию и затруднила компенсацию причинённого вреда.

По просьбе суда автор настоящей статьи представил тогда экспертное заключение, в котором указывал, что конституционная ущербность «досудебной амнистии» явно подтверждается тем обстоятельством, что потерпевший лишается возможности публично высказать свои претензии преступнику, да ещё на фоне освобождения последнего от преследования. Государство решает судьбу виновных купно или обезличенно, самостоятельно и автономно от обиженных деликтами граждан, при наличии традиционного для страны режима преследования, который к тому же может быть завершён послаблениями для виновников (главы 11 и 12 УК РФ).

Для разрешения проблемы по существу нами рекомендовалось Суду обратиться к коллизии между ничем не ограниченным полномочием нижней палаты парламента по амнистированию граждан (выражено в п. «ж» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ всего двумя словами – «объявление амнистии») и весьма неконкретной государственной гарантией «обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причинённого ущерба» (ст. 52 Конституции). Экспертом утверждалось, что логика Основного закона страны, отражённая в его содержании и структуре, предполагает 1) приоритет личного интереса над общественными и государственными, а также 2) прав и свобод человека и гражданина, закреплённых во второй главе, над полномочиями (нижней палаты) федерального парламента, установленными в ст. 103[2]. Отсюда: формально безграничное право Госдумы на производство амнистий должно уступать интересам соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, которые объявлены в России высшей ценностью, что государство должно признавать и чему следовать (ст. 2 Конституции). Отсюда парламент абсолютно волен амнистировать виновных в преступлениях против государственной власти (раздел X УК РФ), но не против личности (раздел VII УК). И это правильно: по давно выстраданному человечеством завету этического и юридического профиля «неясности и неполнота договоров, законов и прочих документов толкуется против тех, кто их написал, разработал, принял». Автор отраслевого законодательства, ущемляющего права и свободы граждан либо затрудняющего пользование ими, – национальный парламент, которому как породистому и уважаемому учреждению надлежит по собственному почину укоротить свои полномочия по амнистированию.

Пример для подражания – действующий Президент страны, полномочие которого на индивидуальное милосердие также выражено в двух словах («осуществляет помилование» – п. «в» ст. 89 Конституции) и практически не ограничено, через год после вступления в должность произвёл своеобразное самоограничение – упразднил «Комиссию по вопросам помилования при Президенте РФ и передал её функции в субъекты Российской Федерации»[3],

[1] Так поступали очень давно, в критикуемую ныне как «непросвещённая» *эпоху композиций* или прейскурантов штрафов, когда «совершивший преступление с помощью рода расплачивался определённым количеством меновых единиц» с двумя адресатами – властью и потерпевшим [26, с. 15], причём первый делился «добычей» со вторым явно эгоистично, ибо государство присваивало себе львиную долю уголовных штрафов, сама не потерпев никаких убытков. (См. об этом: [27, с. 182–183]).

[2] Согласно ч. 1 ст. 135 Основного закона «положения глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием» (прерогатива корпуса избирателей, реализуемая через процедуру референдума), а это значит, что вопросы компетенции высших органов власти уступают по своей конституционно-правовой значимости основным и неотчуждаемым правам и свободам человека (ч. 2 ст. 17 Конституции).

[3] Указ Президента РФ от 28. 12. 2001 г., № 1500 (ред. от 14.12.2020 г.) «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (вместе с «Положением о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации») // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34674/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения – 19.05. 2025 г.).

что привело «к снижению как общего числа поданных ходатайств о помиловании, так и к существенному сокращению числа лиц, к которым была применена эта мера милосердия». И действительно: если в ельцинской России «в 1992 году из исправительных колоний в результате актов помилования было освобождено 2726 человек», «в 1995 году – 4988», то «в 1999 году таких лиц было уже 7418». А после реорганизации системы помилования ситуация кардинально изменилась: «В 2004 году было помиловано 72 осужденных, в 2005 году – 42. В 2006 году правовая база «Гарант» содержала сведения о 9 осужденных, к которым Президентом Российской Федерации было применено помилование»[1].

Жалоба гр-ки Л.М. Запорожец слушалась в Конституционном Суде России трижды и всякий раз доводы её петиций оценивались как недостаточные[2]. Понять позицию состава высшего политико-правового присутствия страны, призванного не только режиссировать отраслевое законодательство по учредительному акту народа и государства, но и прогнозировать социально-экономические последствия своих правовых позиций и решений по конкретным делам, можно. Если удовлетворить претензии частного заявителя к национальному парламенту о лишении его права на доступ к правосудию как потерпевшего от преступления в результате «огульной» амнистии, авторы которой не могли и потому не учли все последствия своего решения для конкретной жертвы посягательства, а причинитель вреда был освобождён от уголовного преследования, то в очередь за (теперь автоматическим) удовлетворением подобных жалоб выстроятся сотни и тысячи граждан. И никакой казны не хватит на удовлетворения их исков, и престиж власти существенно пострадает.

От тюрьмы, сумы и судимости не зарекайся. Судимость олицетворяет древнюю традицию уголовного права и любимое властью свидетельство её аристократичности, а практический смысл данного института заключается в проверке состоятельности вынесенного судом приговора. По сути она сводится к официальной негативной аттестации всех преступников на сроки, установленные в ст. 86 УК РФ, но по справедливости должна коррелировать и с памятью населения о деликтах. Вне сомнения, рецидив в течение сроков судимости обнажает проблемы на многих фронтах борьбы с преступностью: чрезмерную мягкость приговора и закоренелость антисоциальных установок преступника, недостаточность усилий профилактических и пенитенциарных учреждений, плохую социальную атмосферу в стране и не соответствующий ей уровень либерализации уголовного законодательства. Ситуация требует реагирования по всем указанным направлениям, но в тексте УК, то есть наглядно и назидательно, отклик властей направлен лишь на повышение ответственности «рецидивиста». Это создаёт почву для общественной нервозности и правозащитной нетерпимости к институту судимости.

В предыдущие эпохи власти, обеспокоенные ростом и повторением насильственных посягательств, неисправимостью злодеев из касты «черни», а равно слабостью правоохраны, нашли спасение в телесной «регистрации» преступников: «изустным указом 9 июня 1746 г. (№ 9293) велено было клеймить… воров: во лбу **ВО**, на правой щеке **Р**, а на левой **Ъ**, чтобы они от прочих добрых и не подозрительных людей были отличны и что если кто из них учинит утечку, таковым по поимке через клеймение удобный способ быть может» [29, с. 973].

---

[1] Здесь и выше цитируется труд: [28, с. 5–6].

[2] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24. 04. 2003 г., № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42062/ (дата обращения – 7.06.2025 г.); Определение Конституционного Суда РФ от 17. 10. 2006 г., № 425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Запорожец Ларисы Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64848/ (дата обращения – 7.06.2025 г.); Определение Конституционного Суда РФ от 15. 05. 2007 г., № 369-О-О «Об отказе в удовлетворении ходатайства гражданки Запорожец Ларисы Михайловны об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года № 7-П» // sudact.ru/law/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-15052007-n_5/ (дата обращения – 7.06.2025 г.).

Эта первичная форма подтверждения судимости стала практиковаться многими народами по причине дешевизны и простоты исполнения. Но прогрессивная критика[1] и технический прогресс сделали своё дело: в России рвание ноздрей было отменено в 1817 г., а от лицевого клеймения отказались в 1863 г.; на смену варварским приёмам наглядной и пожизненной фиксации судимости на теле преступника пришли архивные справки, фотографирование и антропологические измерения преступников. Сформировалась современная культура пользования судимостью, без каких-либо травм удостоверяющая память о злодеянии и препятствующая пользованию наказанными некоторыми гражданскими правами и свободами. И с этим, как с вполне допустимой практикой, цивилизация согласилась на долгие годы, вплоть до настоящего времени: «осужденный может отбыть наказание полностью, в том числе и дополнительное.., но на нём остаётся ещё пятно судимости» [26, с. 567, М. М. Исаев].

Но времена меняются, и после кончины И.В. Сталина, практически в форме общенациональной дискуссии[2], отраслевики обсуждали вопрос кардинально – о целесообразности сохранения судимости вообще. Тогда норматив устоял, но испытания продолжились: судьба этого средства, постоянно провоцирующего разговоры об отвергнутом доктриной «опасном состоянии личности» и нарушении принципа non bis in idem, стала предметом рассмотрения в Конституционном Суде России[3]. Поводом к слушанию дела явились запрос суда и жалобы нескольких граждан, осужденных по признакам неоднократности и судимости за прежние преступления либо наказанных длительными сроками лишения свободы по причине рецидива (как отягчающего наказание обстоятельства). Заявители утверждали, что положения статей 16, 18, 68 и 86 УК РФ допускают «повторное возложение уголовной ответственности за одно и то же преступление, что выражается в усилении наказания по причине наличия у лица непогашенной или неснятой судимости и в двойном учёте самого факта судимости – как квалифицирующего признака состава преступления и как обстоятельства, отягчающего наказание».

По мнению Конституционного Суда России: а) уголовно-правовая судимость порождает особые публично-правовые отношения виновного и государства, «которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершённых им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности»; б) дополнительные обременения в отношении судимых лиц вытекают из ч. 3 ст. 55 Конституции, допускающей ограничения прав и свобод граждан в целях «защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»; в) судимость может быть использована отраслевым законодательством как отягчающее наказание обстоятельство («если само по себе совершение преступления лицом, уже имеющим судимость, повышает его общественную опасность безотносительно к виду преступления») либо как квалифицирующий признак отдельных составов («если для данных составов преступлений характерен специальный рецидив, т.е. систематичность преступного поведения»); г) отказ от институтов

[1] Адмирал Н.С. Мордвинов, автор исследований «О смертной казни» и «Об умерении публичных наказаний», писал в одной из работ: «наш Уголовный устав был бы, по мнению моему, согласен с нашим веком, если бы клейма были совсем отменены. Многие народы оставили сии древней лютости напоминание и признак, который при бдительном и благоустроенном правительстве ненужен и бесполезен, а потому что бесполезен, то и предосудителен в Уголовном уставе». (Цит. по: [30, с. 109]).

[2] Имеется в виду серия статей с указанием страниц, где обсуждается институт судимости, выполненных В.Н. Кудрявцевым и Б.С. Никифоровым [31, с. 86], А.А. Пионтковским [32, с. 112–14]и П.С. Ромашкиным [33, с. 77].

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г., № 3-П по делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-9 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. – «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» – в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда г. Москвы и жалобами ряда граждан // Собрание законодательства РФ. 07.04.2003. № 14. Ст. 1302.

неоднократности, рецидива и судимости противоречил бы конституционному запрету дискриминации и выраженным в Основном законе страны принципам справедливости и гуманизма, поскольку игнорировались бы сведения о личности виновного[1]; д) уголовный закон уже содержит (ч. 2 ст. 63 УК) предохранительную норму против двойного учета одних и тех же обстоятельств на стадиях квалификации преступления и назначения наказания за него, реализация которой – дело судов общей юрисдикции и других правоохранительных органов.

В итоге КС РФ признал не противоречащими Конституции обсуждаемые нормативы уголовного закона, но в первом же пункте постановления употребил многозначительную оговорку для федерального законодателя – о возможности «установить иное регулирование судимости, неоднократности и рецидива преступлений и их уголовно-правовых последствий». Оговорка была понята как сильнодействующий намёк: по № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. судимость перестала существовать как квалифицирующий признак преступлений в статьях Особенной части УК, а неоднократность как форма множественности упразднена. Многолетний лидер уголовно-правовой науки, проф. Н.Ф. Кузнецова первой «поздравила» население и специалистов с очередной либерализацией отрасли: «Госдума в противовес генеральным направлениям уголовной политики гуманизировала наказуемость профессиональной преступности и криминального рецидива. В тех немногих нормах, где криминологически обоснованно предусматривался квалифицирующий признак «судимость», он отменен. Профессиональный вор может только радоваться. Рецидивист тоже теперь будет недолго пребывать в ИТУ. Ему дозволяют назначать наказание ниже низшего предела санкции соответствующей статьи УК» [34, с. 27]. От себя скажем, что данная новелла, принятая законодателем невольно либо расчётливо, означает следующее: память о преступлениях как о рядовых событиях не должна быть длительной, а охватывать впечатления лишь от периода отбывания наказания; гуманитарное увлечение личностным подходом важнее высоковероятного общественно опасного поведения освобождённого от наказания в постпенитенциарный период.

В современных работах о судимости по российскому уголовному законодательству увязка данного института с памятью населения не заявляется. Лишь косвенно, только по желанию исследователя, всего приблизительно и с большими допусками её можно усмотреть в упоминании фактора времени законотворцами при регулировании судимости. Вот характерный пример – кандидатское исследование по анализируемой теме четвертьвековой давности, автор которого научную новизну своего предприятия акцентировано обосновывает тем, что оно представляет собою «первое монографическое исследование института судимости на нормативной базе УК РФ 1996 года» [35, с. 4-5]. Первые два положения на публичную защиту звучат так: «1. Судимость – это имеющий срочный характер юридический факт осуждения (выраженного во вступившем в законную силу обвинительном приговоре суда с назначением наказания) лица за совершённое им преступление, влекущий за собой определённые уголовно-правовые и общеправовые последствия для осужденного» (а не наоборот ли: «определённые уголовно-правовые и общеправовые последствия для осужденного, порождённые отбыванием им наказания по обвинительному приговору суда»!)… «Юридическая природа судимости» проявляет себя в соединении двух юридических фактов – обвинительного приговора с назначением наказания в отношении преступника и возникающей на его основе судимости (без комментариев).

Как следствие, анализируемый нами институт в представлении соискательницы комплектуется из двух групп факторов различной значимости: а) «к существенным **основным признакам** (вероятно, называются **условия**, а не важнейшие **свойства** судимости, ибо

[1] Пренебрежение данными о личности рецидивиста, то есть о прошлом, есть отступление от памяти – потерпевшего, его родственников, очевидцев и свидетелей, всех знающих и думающих людей из разряда законопослушного населения. В Конституционном Суде России это понимают и потому не решились на объявление судимости антиконституционным нормативом, противоречащим идеально толкуемому запрету non bis in idem.

даже в словаре для школьников «признак» толкуется как «примета, знак, по которому можно узнать, определить что-л., отличительное свойство, качество»[36, с. 285–286] объекта, предмета, процесса, а не их окружающая среда либо последствия – *А.Б.*) **судимости** относятся обвинительный приговор суда, назначение наказания и «само преступление» (такова последовательность порождающих судимость событий в тексте автореферата – *А.Б.*); б) а к **производным** – категория преступления, характер преступления, вид назначенного приговором суда наказания, его срок, применение отдельных мер уголовно-правового воздействия (условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и т.п.), фактическое отбывание (любого? – *А.Б.*) наказания; фактическое отбывание наказания определённого вида, количество судимостей, наконец.

Предположим, что учёный мир считает достаточным тот факт, что властью судимость дифференцируется по времени на четыре разряда, а в основание данного нормативного решения заложена опять же четырёхступенчатая категорийность преступлений. Но последняя базируется на предельном сроке всего одного (из 13-ти!) видов наказаний (вероятное и весьма отдалённое по времени от породивших их преступлений правовое последствие!), а для двух первых категорий – ещё и на форме вины. Сложные, согласимся, логика и конструкция: а) аксиоматично, что преступления опережают по времени наказания, а потому их срок не является имманентным признаком преступлений и потому не может использоваться для классификации последних; б) «обещанный» парламентом в ч. 1 ст. 15 УК РФ критерий (характер и степень общественной опасности деяний = ценность поражаемых благ и размер причиняемого им вреда) явно расходится с тем, что фактически послужило базой для нормативной сортировки посягательств в следующих частях ст. 15 УК; в) формирование на этой основе и применение на практике института судимости как комплекса правоограничений для лиц, уже отбывших наказания или полностью рассчитавшихся с обществом за свои криминальные деликты, выглядит не очень убедительно и потому перманентно вызывает возражения со стороны отбывших наказания лиц, их адвокатов и правозащитников.

Где социологическая (криминологическая) база для регламентации судимости и коррекции её сроков в ст. 68 УК (и вообще всех законопроектов по противодействию преступности), в чём Законодательное Собрание РФ постоянно попрекают специалисты отрасли и чему посвятили специальное заседание Конгресса уголовного права [37]? Может ли служить убедительной основой для дополнительных правоограничений в адрес уже отбывших наказания лиц нормотворческая логика, по которой разряды преступлений определяются *по характеру и степени общественной опасности* последних (пусть и сведённой в санкциях статей Особенной части закона к срокам самого применяемого наказания), но классификация последних производится *по порядку назначения* (ст. 45 УК РФ), а не по суровости уголовных кар, созвучной с опасностью эксцессов? Когда будет реализован беккариевский призыв к законодательной унификации критериев сортировки обоих институтов отрасли? Вспомним его слова, звучащие как завет потомкам: «если бы существовала… точная и всеобщая классификация наказаний и преступлений, то она могла бы служить нам, вероятно, в качестве единой шкалы ценностей и для определения степени узурпации власти и свободы, гуманности и жестокости различных народов» [24, с. 85]. И дозирования уголовной ответственности, добавим. В том числе по линии учёта памяти населения о преступлениях и преступности, без чего шансы на особо требуемое сегодня единство народа уменьшаются.

Допустимые выводы

1. Время – важнейшая координата социальной организации, в том числе в сфере борьбы с преступностью. Параметрируя несущуюся вечность на прошлое – настоящее – будущее, вводя и модифицируя системы исчисления времени (приноравливая их к природным закономерностям – вращение Земли и расположение её по отношению к Светилу, к идеологическим оценкам истории – до нашей эры, Возрождение, эпоха НТР или к хозяйственным потребностям – сезонные манипуляции со стрелками часов), человечество демонстрирует и возможности своей памяти.

2. Тезаурус добытой, в том числе ценой жертв и заблуждений[1], техногенных катастроф, войн и преступлений[2], информации составляет достояние цивилизации, цену которому даже определить невозможно. Эта памятная информация должна быть надлежащим образом, то есть без потерь и искажений, оприходована, расфасована, сохранена и предоставлена в пользование потомкам, в том числе для юридического регулирования.

3. Вот с пользованием-то проблем больше всего и возникает. Часть информации засекречивается властями, иногда необоснованно; по материально-техническим причинам, т.е. вынужденно блокируется доступ к хранилищам опыта, знаний и экспонатов; «интеллектуальные пираты», промышленные шпионы, террористы и мошенники разрушают либо затрудняют цивилизованные формы культурных обменов. Но самый больной участок – трансмиссия полезных культурных отложений от поколения к поколению. Перманентные революционные скачки в жизни Отечества и постоянно раздуваемые социальные фантазии (прежняя ставка на построение «коммунизма» или современное обольщение «правами и свободами человека или гражданина» без обязанностей) этому никак не способствуют. Препятствием же для критического обсуждения и смелых прогнозов в исполнении отечественных криминалистов относительно будущего амнистии, помилования и обратной силы уголовного закона является то обстоятельство, что эти варианты корректировки правоприменительных решений по уголовным делам легитимированы на высшем уровне – вписаны в текст Конституции Российской Федерации. Данный подспудный мотив воздержания работал ещё в советское время: «… мы склонны считать наиболее верной точку зрения тех авторов, которые рассматривают амнистию и помилование в рамках государственного (ныне конституционного – *А.Б.*) права»[3].

4. Проблема соотношения памяти и права (как фрагмент более глубинной темы сочетания юриспруденции и нравственности) и образующие её поисковую почву вопросы отнюдь не надуманы и мы это показали в тексте. При выполнении правотворческих и правоприменительных функций власть не может игнорировать мнения, настроения, оценки и ожидания населения, формируемые памятным образом – из накопленной им за предыдущий период информации о реагировании государств на юридически значимое поведение в стране и за рубежом. Чего стоит пример профашистской политики современных прибалтийских государств, преследующих бывших советских партизан и офицеров, но помпезно благоволеющих к тогдашним пособникам нацистов из числа этнических латышей, литовцев и эстонцев.

5. Конечно, проблема соотношения памяти и уголовно-правовых нормативов является сложной. В интересах прогресса, как они его искренне видят, власти могут игнорировать прежние стереотипы жизни и поведения, хранящиеся этносом в нравственных назиданиях, поговорках и пословицах, исторических летописях, примерах старшего поколения. К этому располагает и наш стремительный век, когда стандарты сосуществования людей обновляются в течение жизни одного поколения и даже неоднократно. Современные возрастные группы не поспевают оценить накопленную практику из-за высоких эволюционных скоростей; их опытный багаж стареет прежде обработки и потому не передаётся следующему поколению в полном и понятном виде. Но память не дешевеет, она просто уплотняется, вбирает в себя стереотипы нескольких поколений. Потому обращаться с ней, прежде всего юристам, нужно ещё более бережно.

---

[1] В 1697 году ***Пьер Бейль*** выпустил свой «Исторический и критический словарь», представлявший на то время гигантскую энциклопедию заблуждений и ошибок человечества и состоявший из 2044 статей или фрагментов (в нашей стране опубликован: [38–39]).

[2] Достаточно вспомнить о работе ***Ю. Торвальда*** «Сто лет криминалистики» (другой вариант названия – «Век криминалистики» [40]), содержащей в последовательном изложении примеры того, как развивалась прикладная для уголовного права отрасль знаний вслед за совершенствованием преступлений и путешествующих за ними технических наук, как накапливалась в памяти криминалистов мира бесценная информация о технологии криминального поведения.

[3] [41, с. 87]. Эту же позицию занимал и проф. Н.Д. Дурманов [42, с. 47–50].

6. Для понятного и убедительного внедрения памяти населения в государственные расчёты и практику применения анализируемых исключительных нормативов отрасли следует задействовать фактор времени, который «сам просится в лыко». Ведь в классическом правоприменении между созданием законодателем запретов (санкций), конкретными обвинительными приговорами и послаблениями для виновных усилиями Федерального Собрания РФ (декриминализация и депенализация), главы государства (помилование) или нижней палаты парламента (амнистия), а равно деятельностью пенитенциарных учреждений (исполняющих наказания и готовящих спецконтингент к освобождению для последующего самостоятельного соблюдения правоограничений, составляющих содержание судимости) всегда имеется темпоральный разрыв. Возможно, разработку сроков памятного хранения населением информации о преступности и реагировании на неё государством следует сопрягать с каскадом сроков, установленных в Уголовном кодексе в отношении условно-досрочного освобождения, замены неотбытого наказания на более мягкие виды, условного осуждения и т.д.

7. Специалисты по правосознанию на основании проведённых социологических исследований утверждают, что «законопослушные граждане (а их в любой стране мира большинство – *А.Б.*) превосходят преступников в знании исходных правовых положений, но уступают в знании частностей»[43, с. 16]. Исходя из того, что институты обратной силы закона, амнистии, помилования и судимости относятся к положениям Общей части уголовного права, есть основания заявить, что общественное мнение и память большинства населения могут и должны служить дополнительным путеводителем для главы государства, парламента и правоприменителей. И весь вопрос в подборе методик установления оптимальных (предельных) сроков хранения в коллективной памяти такой информации о преступлениях и преступности, которая достигает уровня устойчивых настроений и требований к государству по противодействию преступности и пределов употребления обсуждаемых в настоящей статье послаблений.

8. Но это – первая часть предстоящей работы; а вторая заключается в определении оптимальных качественно-количественных характеристик народной памяти для использования властями. Поскольку эта задача располагается в эпицентре диалектического противоречия между общими и исключительными нормативами, потребно средство из разряда «золотой середины». И здесь подойдёт предложение представителей естествознания по методу достижения устойчивого динамического равновесия между конкурирующими системами (установками, ценностями, технологиями), который получил образное название «золотой пропорции» или «золотого сечения» [44]. Оно (предложение) покоится на использовании т.н. «числа Фидия» (1,618) и близких к нему чисел, с помощью которых устанавливается гармоничное соотношение между ставкой на испытанные принципы неотвратимости и быстроты репрессии, с одной стороны, и применяемые из гуманных соображений исключения из этих идеалов в виде обратной силы уголовного закона, амнистии, помилования и судимости, с другой.

9. Память (преступника, потерпевшего, очевидца, населения) не только бесценна, но и избирательна, подвергается аберрации от меняющейся жизни и давления заинтересованных лиц. Правда, что времена цензуры, костров для книг и прямых запретов на сообщительные собрания канули в лету[1]. Но пришла эпоха СМИ: этот основной поставщик информации призван помогать памяти людей, но не манипулировать ею; однако он работает на обоих направлениях, а на втором, щедро оплачиваемом – даже более азартно. Заведомая ложь СМИ, распространяемая в форме пиар-кампаний, информационных войн [45], заказных статей, «трудолюбия» папарацци, рекламных материалов о кандидатах во власть и пр., уродует память. А ведь есть ещё финансово выгодная, но низкопробная детективная пища, скармливаемая книгоиздателями и телеканалами нашему обывателю без каких-либо ограничений.

[1] Сегодня мы можем лишь улыбаться, вспоминая иронию великого пересмешника России М.Е. Салтыкова-Щедрина, писавшего о попытках создания в России XIX века вольнодумных организаций с названиями «Общество предвкушения гармоний будущего» либо «Общество чарующих движения воды».

В результате самый надёжный поставщик информации о преступлениях – старушка с биноклем на балконе – забывает все подробности увиденной криминальной драмы на улице до разговора с пинкертоном; она возвращается в комнату, к телевизору, где 24 часа в сутки в цветном изображении, со спецэффектами и другими запоминающимися приёмами адской режиссерской кухни смакуются подробности многих, чаще выдуманных преступлений. Плакали надежды А.Ф. Кони не то, что криминальное происшествие удержится в памяти свидетеля своей неординарностью и яркими красками, ибо искусственный монтаж картины преступления рассчитан именно на приманку зрителя, а реальные посягательства исполняются в надежде избежать внимания очевидцев, строго рациональны, лишены показной аффектации.

10. Уголовно-правовая доктрина пока не оприходовала память, внимание и запоминание для своих нужд – ни на отраслевом, ни на криминологическом и уголовно-политическом уровнях. А необходимость в этом есть: для уточнения интеллектуального компонента вины, развития теории криминализации, более свежего взгляда на институты давности, судимости, обратной силы закона, амнистии и помилования. Для того, чтобы сохранить себя в бушующем геополитическом море, российскому этносу следует знать и управлять механизмами формирования, хранения и передачи генной памяти – для поиска оптимальных вариантов её учёта в области использования исключительных норм уголовного права, для сохранения самобытности населения и целостности страны. Мы же ходим в должниках у кормящего нас народа; честное и упреждающее обслуживание потребностей производителя материальных и духовных благ есть благородная и естественная повинность образованного класса.

Обобщим написанное до предела и заявим, что память человеческая представляет собою не только огромное хранилище опыта; она в состоянии нейтрализовывать произвол публичной администрации на этапах правотворчества и правоприменения и даже облагораживать уголовное право – в том числе через институты обратной силы закона, давности, амнистии и помилования, судимости; она – противоядие против социально-политических обольщений и ненужных духовных займов за границей.

Список источников

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии; Общ. ред. и вступит. статья А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. 620 с.
2. Душенко К.В. Большая книга афоризмов. М.: «Эксмо», 1999. 1056 с.
3. Таранов П.С. Мудрость трёх тысячелетий. М.: Изд-во «АСТ», 1999. 736 с.
4. История, философия, принципы и методы правозащитной деятельности: Сборник материалов семинара Московской Хельсинской группы. Выпуск 1. М.: ИНТУ, 1995. 105 с.
5. Краткий психологический словарь. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
6. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с.
7. Соломина И.Ю. Социальная память: структура и феномены: Автореф. дисс… канд. философ. наук. Самара: Самар. гос. ун-т, 2005. 22 с.
8. Лебедева Г.В. Память и забвение как феномены культуры: Автореф. дисс… канд. философ. наук. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 2006. 25 с.
9. Шнирельман В.А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с. С. 12-34.
10. Бернал Дж. Наука в истории общества / Пер. с англ. А. М. Вязьминой и др.; Общая ред. Б. М. Кедрова, И. В. Кузнецова. М.: Иностр. литература, 1956. 735 с.
11. Леонид Шебаршин. Хроники безвременья. Афоризмы начальника советской разведки. М.: «Центрполиграф», 2018. 223 с.
12. Щёголев П.Е. Пётр Григорьевич Каховский. М.: Альциона, 1916. 153 с.
13. Кони А.Ф. Память и внимание // Собр. соч. в 8 томах. Т. 4. М.: Юрид. литература, 1967. 543 с.
14. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Учебник для вузов под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало», 2002. 661 с.
15. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М.: Наука, 1987. 278 с.

16. Wertsch J.V. Voices of collective remembering. New York: Cambridge Univ. Press, 2002. 203 p.
17. Connerton P. How societies remember. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 121 p.
18. Кащенко Т.Л., Положенцева И.В., Пилоян М.Г. Феномен исторической памяти в XXI в. // Журнал исторических исследований. Том 4. 2019. № 1. С. 46-50.
19. Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов / [Сост. и авт. вступ. ст. Г.М. Мелков]. М.: Юрид. лит-ра, 1990.
20. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции: часть Общая: [в 2 т.]; [сост. и отв. ред. Н.И. Загородников]. М.: Наука, 1994. Т. I. 419 с.
21. Бойцов А.И., Волженкин Б.В. Уголовный закон: действие во времени и пространстве: Учебное пособие. СПб.: Ин-т повыш. квалиф. прокурор.-следств. работников, 1993. 104 с.
22. Якубов А.Е. Обратная сила уголовного закона: Некоторые проблемы совершенствования УК РФ. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 206 с.
23. Гулиев В.Е., Кравцов Г.А. Действие закона во времени и пространстве: Рец. на: Тилле А.А. Время, пространство, закон. М., 1969. 201 с. // Советское государство и право. 1966. № 7.
24. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: «Стелс-БИМПА», 1995. 304 с.
25. Клёнова Т. В. Принципы уголовного права и принципы кодификации // Государство и право. 1997. № 1. С. 54-59.
26. Уголовное право: Учебник; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – 4-е изд., перераб. – М.: Юрид. изд-во, 1948 (тип. «Кр. Пролетарий»). 576 с.
27. Зощенко М.М. Избранные произведения: В 2 т. Л.: Худож. лит-ра; Ленингр. отд-ние, 1968. Т. 2. 464 с.
28. Саженков Ю.В., Селиверстов В.И. Правовые проблемы помилования в России: учебное пособие. – 2-е изд., доп. – М.: Юриспруденция, 2008. 168 с.
29. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции Н.С. Таганцева, д-ра уголов. права: в 2-х томах. Т. 2. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1902. С. 816-1460.
30. Ошерович Б.С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (2-я половина XVIII в. – 1-я четверть XIX в.). М.: Юрид. изд-во, 1946. 312 с.
31. Кудрявцев В.Н., Никифоров Б.С. Ограничение прав по проекту основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Советское государство и право. 1958. № 7. С. 112–114.
32. Пионтковский А. А. Основные вопросы уголовного права в проекте основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик // Советское государство и право. 1958. № 9.
33. Ромашкин П.С. Основные проблемы кодификации советского уголовного законодательства // Советское государство и право. 1957. № 5.
34. Кузнецова Н. Мнение учёных о реформе УК (или qui prodest?) // Уголовное право. 2004. № 1. С. 26-27.
35. Шаутаева Г.С. Судимость в уголовном праве России и её правовое значение: Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2000. 28 с.
36. Лапатухин М.С. и др. Школьный толковый словарь русского языка: Пособие для учащихся / Под ред. Ф.П. Филина. М.: Просвещение, 1981. 463 с.
37. Криминологические основы уголовного права: Материалы X Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26-27 мая 2016 г. / отв. ред., докт. юрид. наук, проф. В.С. Комиссаров. М.: Юрлитинформ, 2016. 568 с.
38. Исторический и критический словарь в двух томах. Общ. ред. и вступит, статья В.М. Богуславского. / Пер. с франц. М.: «Мысль». Т. 1. 1967. 391 с.
39. Исторический и критический словарь в двух томах. Общ. ред. и вступит, статья В.М. Богуславского. / Пер. с франц. М.: «Мысль». Т. 2 1968. 510 с.
40. Торвальда Ю. Сто лет криминалистики. М.: Прогресс, 1984. 203 с.
41. Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М.: Наука, 1974. 232 с.
42. Дурманов Н. Д. Амнистия – государственно-правовой акт // Советское государство и право. 1976. № 5-6. С. 47-50.
43. Общественное мнение о преступности и мерах борьбы с ней (Сборник науч. трудов). М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1977. 84 с.
44. Кокин А.В., Кокин А.А. Золотое сечение и эволюция (введение в общую теорию нелокальной эволюции). М.: «ООО Информ-Право», 2022. 232 с.
45. Черняк Е.Б. Химеры старого мира. Из истории психологической войны. М.: Молодая гвардия, 1970. 272 с.

References

1. Diogenes Laertius. *On the life, teachings and sayings of famous philosophers* / USSR Academy of Sciences, Institute of Philosophy; General Ed. and he will join. article by A. F. Losev. Moscow: Mysl, 1979. 620 p. (In Russ.)

2. Dushenko K.V. *The Big Book of aphorisms.* Moscow: Eksmo, 1999. 1056 p. (In Russ.)

3. Taranov P.S. *The wisdom of three millennia.* Moscow: AST Publishing House, 1999. 736 p. (In Russ.)

4. *History, philosophy, principles and methods of human rights work: A collection of materials from the seminar of the Moscow Helsinki Group.* Issue 1. Moscow: INTU; 1995. 105 p. (In Russ.)

5. *Short psychological dictionary.* Moscow: Politizdat; 1985. 431 p. (In Russ.)

6. *Historical memory and Russian identity* / ed. by V.A. Tishkov, E.A. Pivneva. Moscow; 2018. 508 p. (In Russ.)

7. Solomina I.Y. *Social memory: structure and phenomena:* Abstract. dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences. Samara: Samara State University, 2005. 22 p. (In Russ.)

8. Lebedeva G.V. *Memory and oblivion as cultural phenomena:* Abstract. dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences. Ekaterinburg: Ural State University named after A.M. Gorky; 2006. 25 p. (In Russ.)

9. Shnirelman V.A. Social memory: questions of theory. In: *Historical memory and Russian identity* / ed. by V.A. Tishkov, E.A. Pivneva. Moscow: RAS; 2018. 508 p. Pp. 12-34. (In Russ.)

10. Bernal J. Science in the history of society. Translated from English by A.M. Vyazmina et al.; General editorship by B. M. Kedrov, I. V. Kuznetsov. Moscow: Inostr. literature, 1956. 735 p. (In Russ.)

11. Leonid Shebarshin. *Chronicles of timelessness. Aphorisms of the chief of Soviet intelligence*. Moscow: Tsentrpoligraf; 2018. 223 p. (In Russ.)

12. Shchegolev P.E. *Peter Grigorievich Kakhovsky.* Moscow: Alcyone; 1916. 153 p. (In Russ.)

13. Koni A.F. Memory and attention. In: *Collected works in 8 volumes.* Vol. 4. Moscow: Yurid. literature, 1967. 543 p. (In Russ.)

14. *Criminal law course. The general part.* Volume 1: The Doctrine of Crime. Textbook for universities edited by N.F. Kuznetsova and I.M. Tyazhkova. Moscow: IKD "Zertsalo", 2002. 661 p. (In Russ.)

15. *Criminal law. The experience of theoretical modeling* / Ed. by V.N. Kudryavtsev, S.G. Kelina. Moscow: Nauka; 1987. 278 p. (In Russ.)

16. Wertsch J.V. *Voices of collective remembering.* New York: Cambridge Univ. Press; 2002. 203 p.

17. Connerton P. *How societies remember.* Cambridge: Cambridge University Press; 1989. 121 p.

18. Kashchenko T.L., Polozhentseva I.V., Piloyan M.G. The phenomenon of historical memory in the 21st century. *Journal of Historical Research.* 2019;4(1):46–50. (In Russ.)

19. I*nternational protection of human rights and freedoms: A collection of documents* / [Comp. and auth. introductory article by G.M. Melkov]. Moscow: Yurid. lit., 1990. (In Russ.)

20. Tagantsev N.S. *Russian criminal law: lectures: General part*: [in 2 volumes]; [comp. and ed. by N.I. Zadorodnikov]. Moscow: Nauka, 1994. Vol. I. 419 p. (In Russ.)

21. Boytsov A.I., Volzhenkin B.V. *Criminal law: action in time and space: The training manual.* St. Petersburg: Higher Education Institute. the qualification. Prosecutor. -investigations. workers, 1993. 104 p. (In Russ.)

22. Yakubov A.E. *The retroactive force of the criminal law: Some problems of improving the Criminal Code of the Russian Federation.* St. Petersburg: Law Center Press, 2003. 206 p. (In Russ.)

23. Guliev V.E., Kravtsov G.A. The effect of law in time and space: Rec. in: Tillet A.A. Time, space, law. Moscow, 1969. 201 p. *Soviet state and law.* 1966;(7). (In Russ.)

24. Beccaria Ch. *About crimes and punishments.* Moscow: "Stealth-BIMPA"; 1995. 304 p. (In Russ.)

25. Klenova T. V. Principles of criminal law and principles of codification. *State and law.* 1997;(1):54–59. (In Russ.)

26. *Criminal law: Textbook*. – 4th ed., reprint. – Moscow: Legal publishing house, 1948 (type. "Kr. The Proletarian"). 576 p. (In Russ.)

27. Zoshchenko M.M. *Selected works: In 2 volumes*. Leningrad: Artist. lit.; Leningrad Publishing House, 1968, vol. 2. 464 p. (In Russ.)

28. Sazhenkov Yu.V., Seliverstov V.I. *Legal problems of pardon in Russia: textbook*. – 2nd ed., supplement. Moscow: Jurisprudence; 2008. 168 p. (In Russ.)

29. Tagantsev N.S. Russian criminal law. General part: lectures by N.S. Tagantsev, Dr. Ugolov. Rights: in 2 volumes. Vol. 2. St. Petersburg: State Printing House; 1902. Pp. 816-1460. (In Russ.)

30. Osherovich B.S. *Essays on the history of Russian criminal law thought (2nd half of the 18th century – 1st quarter of the 19th century).* Moscow: Legal Publishing House, 1946. 312 p. (In Russ.)

31. Kudryavtsev V.N., Nikiforov B.S. Restriction of rights under the draft basic principles of criminal legislation of the USSR and the Union Republics. *The Soviet State and law.* 1958;(7):112–114. (In Russ.)

32. Piontkovsky A. A. Basic issues of criminal law in the draft basic principles of criminal legislation of the USSR and the Union Republics. *The Soviet State and law.* 1958;(9). (In Russ.)

33. Romashkin P.S. The main problems of codification of the Soviet criminal legislation. *The Soviet State and law.* 1957;(5). (In Russ.)

34. Ninel Kuznetsova. The opinion of scientists on the reform of the Criminal Code (or qui prodest?). *Criminal law.* 2004;(1):26–27. (In Russ.)

35. Shautaeva G.S. *Criminal record in the criminal law of Russia and its legal significance:* Abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Izhevsk: Udmurt State University; 2000. 28 p. (In Russ.)

36. Lapatukhin M.S. et al. *School explanatory dictionary of the Russian language: A guide for students /* Edited by F.P. Filin. Moscow: Prosveshchenie; 1981. 463 p. (In Russ.)

37. *Criminological foundations of criminal law: Proceedings of the X Russian Congress of Criminal Law,* held on May 26-27, 2016 / ed., doc. jurid. V.S. Komissarov. Moscow: Legal-litinform; 2016. 568 p. (In Russ.)

38. Historical and Critical dictionary in two volumes. General ed. and an article by V.M. Boguslavsky will enter. Translated from French Moscow: "Mysl"; 1967. Vol. 1. 391 p. (In Russ.)

39. Historical and Critical dictionary in two volumes. General ed. and an article by V.M. Boguslavsky will enter. / Translated from French. Moscow: Mysl; 1968. Vol. 2. 510 p. (In Russ.)

40. Torvalda J. "One hundred years of criminology" (another version of the name is "The Century of criminology". Moscow: Progress; 1984. 203 p. (In Russ.)

41. Kelina S.G. *Theoretical issues of exemption from criminal liability.* Moscow: Nauka; 1974. 232 p. (In Russ.)

42. Durmanov N. D. Amnesty – a state legal act. *The Soviet State and law.* 1976;(5-6):47–50. (In Russ.)

43. *Public opinion on crime and measures to combat it (Collection of scientific papers).* Moscow: All-Union. institute for the study of Causes and Development. Crime Prevention Measures; 1977. 84 p. (In Russ.)

44. Kokin A.V., Kokin A.A. *The Golden Section and evolution (an introduction to the general theory of non-local evolution).* Moscow: Inform-Pravo LLC; 2022. 232 p. (In Russ.)

45. Chernyak E.B. *Chimeras of the old world. From the history of psychological warfare.* Moscow: Molodaya Gvardiya; 1970. 272 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. И. Бойко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления

Information about the author

A. I. Boiko – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.06.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 05.09.2025. The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 05.09.2025.